

Хозяйка заснеженного перевала

Алиса Вельт

18+

Алиса Вельт

Хозяйка заснеженного перевала

«Автор»

2026

Вельт А.

Хозяйка заснеженного перевала / А. Вельт — «Автор», 2026

Варвара Сомова привыкла спасать отели от хаоса, а не попадать в другой мир и получать в наследство постоянный двор с дырявой крышей, долгами и обиженным домовым. Но через пять дней на зимовку прибудет отряд ледяного генерала Айсена Рейвальда — человека, который считает прежнего хозяина предателем и собирается сжечь «Последний приют». Варвара встречает угрозу списком правил, строгим учётом, завтраком до рассвета и счётом за проживание. Пока солдаты привыкают к чистым постелям, сытной еде и сушке сапог, кто-то портит запасы, выпускает лошадей и распускает слухи о проклятии. За саботажем скрывается опасная тайна, связанная с давней трагедией на перевале и влиятельными людьми долины. Айсену и Варваре придётся расследовать заговор, пережить метель и решить, что важнее: старые обвинения или доверие, которое постепенно согревает даже ледяное сердце. Но сохранить дом можно только вместе — если генерал успеет понять, что нашёл не временный постой, а место, где ему хочется остаться навсегда.

© Вельт А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Наследство с дырявой крышей	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Алиса Вельт

Хозяйка заснеженного перевала

Хозяйка заснеженного перевала

Уютное любовное фэнтези о доме, который нужно спасти

Алиса Вельт

Глава 1. Наследство с дырявой крышей

Глава 1. Наследство с дырявой крышей

В половине второго ночи бутик-отель в переулке у Чистых прудов затих, а старший администратор Варвара Сомова сводила квартальный отчёт. Цифры упрямо не сходились на четыреста двенадцать рублей. Из номера 308 уже в третий раз звонили сообщить, что подушка «какая-то слишком подушечная».

— Уважаемый гость, ваше пожелание зафиксировано, — пропела Варвара в трубку и вывела на стикере: «308 — гречневая подушка, утром. Мне — валерьянка, сейчас».

Ночной портье Стас принёс ей третий за смену кофе и отправился досыпать в гардеробную. Варвара вытащила карандаш из пучка, обвела злосчастные четыреста двенадцать рублей и решила, что квартал получился образцовым. Заполнение — рекордное, плохих рецензий — ноль, выходных — тоже. Дома её ждал кактус. Хотя нет, кактус уже засох.

«Ты живёшь как гостиница, Варя. Всем удобно, никому не тепло».

Игорь сказал это за неделю до свадьбы — спокойно, складывая рубашки в чемодан. Рубашки она гладила сама. Аккуратные стопки выглядели убедительнее любых объяснений.

Варвара уронила голову на клавиатуру, всего на минутку. Таблица под щекой поплыла, распалась на бесконечный ряд единиц.

Разбудил её холод. Снежинка села на нос и растаяла. Варвара открыла глаза. Потолка оказалось меньше, чем положено: между почерневшими стропилами чернела дыра, а в ней висело серое небо. Сама она лежала на жёсткой кровати под овчиной, пахнувшей козой.

Рядом кто-то сопел. Существо ростом с табурет, лохматое, с седой бородой до пояса, рассматривало её угольными глазами. В бороде застряли солома и хлебная крошка. Лапти на ногах были разного размера: левый заметно больше правого.

— Понаехали тут наследники, — проворчалось существо. — Прокопушку никто не спросил. Спит до полудня, а крыша сама себя не залатает.

Варвара уцепилась за запястье. Больно. Для надёжности повторила. На коже налился синяк.

Она пошарила по бокам в поисках телефона и нащупала карман чужого шерстяного платья. В кармане обнаружился только её карандаш.

— Где мой телефон?

— Чего?

— Плоская такая штука. Светится.

— Светится у нас лучина, — с достоинством ответил бородач. — Блажная, что ли, девка?

Он шмыгнул носом и скрылся за печью. Не ушёл — именно исчез, будто его стёрли ластиком.

Дверь распахнулась. В комнату боком, иначе не помещалась, вошла женщина. Крупная, зеленокожая, с чёрной косой, обмотанной вокруг головы, и двумя аккуратными клыками из под нижней губы. От неё пахло корицей и дымом. В руке-лопате дымилась миска.

— Проснулась, костлявая? Ешь.

Варвара взяла миску: спорить с такими руками не хотелось. Каша оказалась пшённой, с маслом и чем-то пряным. Горячей настолько, что она обожгла язык.

— Простите. Где я?

— В «Последнем приюте». Перевал Седой Зуб, северный склон, у каменного моста. — Женщина уселась на сундук, и тот жалобно крякнул. — Я Грыня, кухня моя. Двор теперь твой. Гордея, хозяина, весной схоронили, а дом тебя позвал. По крови, через прабабку. Ешь, говорю, остынет.

Варвара ела. В голове уже выстраивался список.

Пункт первый: не сойти с ума.

Пункт второй: каша отличная, учесть.

— Тимка! — гаркнула Грыня так, что с потолка посыпалась труха. — Покажи хозяйке хозяйство.

Тимка оказался тощим рыжим мальчишкой в шапке, сползавшей на нос. Он тараторил без остановки, на поворотах присвистывал и успевал задать по три вопроса, не дожидаясь ответа.

— А вы правда из-за гор? А там правда дома в сто этажей? А лошадь у вас была? Вот конюшня, тут на двенадцать голов, только голов нету, последнего мерина зимой продали за долги, а сено осталось, сено хорошее, я сам его ворошил...

В конюшне пахло старым сеном и пустотой. Погреб встретил их тремя проросшими луковичками, бочкой капусты сомнительной свежести и мышью, которая посмотрела на Варвару без малейшего уважения.

Общий зал оказался огромным. Длинные дубовые столы, лавки, камин, в котором можно было бы зажарить быка, — если бы нашёлся бык. По углам разрослась паутина; в такой, наверное, водились собственные домовые. Окна затянуло инеем изнутри.

Варвара остановилась посреди зала, вернула карандаш в пучок и по привычке прикинула: посадочных мест — человек на сорок, кухня рядом, камин рабочий, если прочистить трубу. Номерной фонд — твёрдая единица. Сервис отсутствует как класс.

— Ну как? — спросил Тимка и впервые за всё утро замолчал.

— Перспективный объект, — сказала Варвара.

Голос почти не дрогнул.

Письмо нашлось в кабинете Гордея, в тесной комнатке за стойкой, под пресс-папье в виде совы. Тимка объяснил, что утром его оставил почтарь из долины, пока хозяйка спала, а сургуч сломал не он. Честное слово, оно само.

«Наследнице „Последнего приюта“, кем бы она ни оказалась», — начиналось письмо. Варвара оценила прямоту.

Поверенный Матвей Ковш писал мелко, с завитушками и явной любовью к придаточным предложениям. Двор переходил к той, кого признает дом. Вместе с двором — долги: мельнику тридцать серебряков, кузнецу двенадцать, казне недоимка за прошлую зиму. Варвара сложила всё столбиком на полях. Цифры сошлись. Лучше бы не сходились.

Главное содержалось в конце.

«Согласно договору с короной, на седьмой день от получения сего двор обязан принять на зимний постой отряд генерала Айсена Рейвальда числом тридцать два солдата и сержант. Плата за постой выдаётся лишь при условии, что двор принимает гостей и содержит их должным образом. В противном случае перевал объявят необслуживаемым, а имущество отойдёт в казну в счёт долгов».

И приписка, сделанная другими чернилами:

«Тот, кого дом позвал по крови, назад не уходит. Примите мои соболезнования и поздравления в той пропорции, какую сочтёте уместной».

Варвара положила письмо на стол и разгладила ладонью. Потом ещё раз.

За окном лежал снег, за снегом поднималась гора, а за горой, вероятно, стояла следующая. Переулочка у Чистых прудов не было. Ни Стаса в гардеробной, ни номера 308 с его подушкой, ни четырёхсот двенадцати рублей. Даже засохшего кактуса.

На краю стола стояли песочные часы в медной оправе. Сколько времени они отмеряли, Варвара не знала. Решила — пять минут.

— Пять минут, — сказала она вслух и перевернула часы.

Плакала добросовестно, как делала всё остальное. Со всхлипами, с соплями, уткнувшись лбом в пыльное сукно. О Игоре, о маме, которая будет звонить и не дозвонится, о том, что в тридцать один год у неё не нашлось ни одного человека, которого стоило бы предупредить.

Песок истёк. Варвара высморкалась в передник, вытащила из пучка карандаш и перевернула письмо чистой стороной вверх.

Крыша.

Погреб.

Бельё.

Меню.

Деньги.

Она подумала и дважды подчеркнула пятый пункт.

Из рта вырвался белый пар. Пальцы, сжимавшие карандаш, онемели. Варвара вышла в зал, встала у холодной печи и кашлянула в сторону заслонки.

— Прокоп. Я знаю, что вы здесь.

Из-за печи донеслось сопение. Потом показалась борода, а следом — угольки глаз.

— Ну здесь. Дом-то мой. Прокопушкин, а не всяких.

— Нам нужно тепло. Полы, стены. Через неделю — тридцать три гостя.

— Не буду, — сказал домовый и сложил руки на жилетке. — Гордей просил как положено. А меня теперь никто не просит. Пришла, поспала, кашу съела. Хозяйка, тоже мне.

Варвара кивнула. Недовольный постоянный гость, который всё ещё помнит прежнее руководство. С такими она умела работать.

— Хорошо. Давайте как положено. Что входит в порядок?

Прокоп моргнул. Похоже, за последние триста лет его об этом не спрашивали.

— Ну... Миску у печи. Не пустую. В доме не ругаться. Сапогами по порогу не бить. И слово сказать, хозяйское, а не так, с бухты-барахты.

— Принято. Предлагаю условия. — Варвара загнула палец. — Пункт первый: вы греете полы и стены во всех жилых помещениях. Пункт второй: я каждый вечер ставлю вам у печи миску — первую порцию, до гостей. Пункт третий: в доме будут люди, огонь и порядок. Насколько я понимаю, вам от этого лучше.

— Лучше, — неохотно признал Прокоп.

— Пункт четвёртый: все жалобы вы несёте мне лично, а не гостям в сапоги. Пункт пятый: претензии к работе руководства рассматриваются в течение дня.

Домовой пожевал бороду.

— Пунктами, — сказал он наконец. — Гордей так не умел. Гордей скажет: «Грей, старый», — и всё.

— Я могу и «грей, старый».

— Нет уж. Пунктами лучше. — Он почесал нос. — А слово?

— Какое?

— Сама знаешь. Хозяйское. Чей дом.

Варвара открыла рот — и поняла, что это труднее, чем торговаться. Восемь лет она говорила: «Наш отель», «наши гости», «у нас принято». Слово «мой» ей не выдавали.

— Это мой дом, — сказала она. Голос после слёз сел. Варвара откашлялась и повторила твёрже: — «Последний приют» — мой дом. И я за него отвечаю.

Сначала ничего не произошло. Потом под валенками дрогнули доски, как под ладонью, положенной на бок спящей собаки. От пола поднялось тепло — медленное, густое — и поползло вверх по ногам. Иней на ближнем окне потемнел, осел каплями. В печи сам собой щёлкнул сухой уголёк.

Прокоп стоял, задрал бороду. Та на глазах распушилась, и солома посыпалась на пол.

— Ишь ты, — тихо сказал он. — Крепкое слово-то. Ишь, девка.

Варвара сняла один валенок и поставила босую ногу на тёплую доску. Так и застыла.

К вечеру зал было не узнать, хотя паутину успели снять только в одном углу. Печь гудела ровно и сыто, по полу можно было ходить в носках, а иней на окнах стек и оставлял на стёклах кривые разводы. Грыня выставила на стол котёл похлёбки с перловкой и тремя спасёнными луковицами.

Варвара первой налила полную миску и поставила у печи, на приступок.

— Пункт второй, — сказала она в сторону заслонки.

За печью одобрительно засопели. Миска исчезла вместе с ложкой.

— Ложку вернёт, — успокоила Грыня. — Через неделю. Может.

Тимка сидел на лавке, болтал ногами, не достававшими до пола, и ел так, будто похлёбку могли отнять.

— А вы генерала когда-нибудь видели? Нет, откуда вам. А я видел. Два раза. Издалека. Его ледяное превосходительство. — Он хихикнул и покосился на дверь. — Это я так, не при нём. При нём язык примерзает. Честно: у него иней на воротнике не тает даже у костра. Лейф, сержант, говорит, генерал однажды воду в кружке взглядом заморозил. Врёт, наверное. А может, и не врёт.

— Учту, — сказала Варвара. — Напитки подавать горячими. Очень горячими.

— Не поможет. — Тимка облизал ложку и, будто речь шла о погоде, продолжил: — Он нас не любит. Двор, то есть. Гордей, говорят, продал его людей разбойникам. Семь лет назад в Волчьей щели. Записку прислал: мол, идите короткой тропой, — а там засада. Пятеро не вернулись. А генерал тогда капитаном был. Лавину остановил. Всю целиком, представляете? Сам чуть не помер.

Он помолчал и добавил тише:

— И говорят, он поклялся этот двор сжечь. Дотла. Чтоб и угольков не осталось.

Варвара отложила ложку.

— Кто говорит?

— Все говорят. В долине.

— В долине и про сто этажей говорят, — отрезала Грыня. Она подлила Тимке похлёбки, хотя тот не просил. — Ешь, костлявый, и не мели. Гордей курицу за долг взять стеснялся, не то что людей продавать.

За печью глухо стукнуло, будто ложкой по миске. Варвара подождала, но Прокоп не отозвался.

— А вы его не бойтесь, — великодушно разрешил Тимка, вставая. — Я вот не боюсь. Я вообще к нему в отряд пойду, когда вырасту. Он меня возьмёт. Наверное.

Он нахлобучил шапку на самые брови и ушёл в конюшню, где спал на хорошем сене при полном отсутствии лошадей. Грыня собрала миски и отправилась греметь на кухню. Оттуда донеслось что-то раскатистое, по-орочьи. Переводить Варвара не стала.

В кабинете было тепло. Сова-пресс-папье глядела с осуждением. Варвара зажгла свечу, пододвинула письмо поверенного, уже исписанное с обратной стороны до самого края, и перечитала список.

Пункт семнадцатый: «Вывеска. Буква „П“ держится на одном гвозде, „Последний“ читается как „оследний“. Для имиджа плохо».

Пункт двадцать третий: «Узнать, что едят маги льда. И едят ли».

Пункт тридцать первый: «Тридцать три комплекта белья. Найти хотя бы десять. Остальные сшить из чего-нибудь».

Пункт тридцать восьмой: «Мельник. Тридцать серебряков. Улыбаться».

Пункт сороковой: «Поспать».

Сорок пунктов. Для открытия сезона в Москве у неё обычно набиралось шестьдесят, но там была крыша.

Варвара повертела карандаш, подумала о мужчине, вокруг которого не тает иней, и о пятерых, которые не вернулись. Внизу листа ещё оставалось немного места. Она вписала мелко:

«41. Не дать ледяному генералу сжечь мой дом».

Слово «мой» на этот раз далось легче. Она даже его подчеркнула.

В ставню что-то стукнуло. Раз, другой — настойчиво, как гость, которому забыли выдать ключ. Варвара отодвинула щеколду. Вместе с ворохом снега в кабинет влетел серый голубь, описал круг под потолком и плюхнулся на список. Прямо на сорок первый пункт. К лапке была привязана бумажка, свёрнутая трубочкой.

Варвара не сразу справилась с тесёмкой: пальцы снова плохо слушались. Развернула записку. Размашистые буквы прыгали по строчке.

«Двору „Последний приют“. Ввиду ранних снегопадов отряд выходит досрочно. Прибытие через пять дней. Подготовить постой на тридцать три человека, конюшню на тридцать пять голов. Сержант Л. Хорн, по приказу генерала Рейвальда».

Голубь переступил лапами и деловито клюнул пункт сороковой.

— Нет, — сказала ему Варвара. — Этот можешь вычеркнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.